

Премьера - 22 января 1992
 Источник - "Губерн Севера", 1992, 21/2

О «ТИХИХ ЗОРЯХ»

За круглым столом «СК» актеры Архангельского драматического театра имени М. В. Ломоносова

В одном из журналов «Юности» за 1969 год появилась удивительной силы и чистоты повесть В. Васильева «А зори здесь тихие...». Пересказывать ее содержание — значит упростить, растерять простоту и глубину ее интонаций. Скажу только, что повесть эта о войне, о жестокой несправедливости войны, о гибели пяти девочек, за спиной у которых была Россия.

Вскоре после выхода повести в Москве, в театре драмы и комедии на Таганке, появился спектакль, создателями которого были Юрий Любимов и Борис Глаголин. Спектакль глубоко заволновал зрителей силой накала и патристического звучания.

Прошло еще полгода, и «Зори» увидели архангельские зрители. (Сценарная редакция и постановка Юлия Тамерьяна, главного режиссера Архангельской студии телевидения).

Заняты в спектакле заслуженный артист РСФСР Василий Каленчук, артистки Светлана Невоструева, Ольга Богданова, Юлия Бергер, Людмила Бынова, Валентина Кириллова, Валентина Абламова и другие. Сегодня актеры у нас в гостях, и мы попросили их мысленно пройти весь путь от репетиций до премьеры, заглянуть в мир, где жили, сражались, шутили и умирали их герои.

Василий Каленчук. Бывает роль, которую ты, может быть, ждешь всю жизнь. В театр я пришел из армии, обжигался трудно, учился. И для меня Васков — это дорогой человек, которого я глубоко понимаю. В нем есть что-то от народного героя, внешне очень скромного, непричетного. Он мало учился, но живет мудростью природной, естественной простотой. Живет человек на земле, делает свое дело. В минуту тяжелую вдруг раскрывается вся его ду-

ша — необъятная, щедрая заботой, стойкостью.

Пьеса «А зори здесь тихие...» наполовину о Васкове. В образ его я привнес годы службы, свой жизненный опыт. Особенно дорог эпизод в лесу, когда маленькая Галина Четвертак, наш Четвертак, вдруг растерялась, сникла, смерти боится. Васков отменяет собрание, на котором решили обсудить поведение Четвертак, и говорит:

«Собрание — это хорошо. Это замечательно: собрание! (В Васкове уже накапливает раздражение). Мероприятие, значит, проведем, осудим товарища Четвертака за проваленную растерянность, протокол напишем. Фрицы нам на этот протокол резолюцию наложат... Годится? Не годится...»

А что до трусости, так ее не было. Трусость, девчата, во втором бое только видна. А это растерянность просто. От неопыт-

СЕВЕРНЫЙ КОМКОМОНЕЦ
 г. АРХАНГЕЛЬСКОЕ

13 ФЕВ 1972

и вечерах молодежных

ности. Верно, боец Четвертак?»

Умом природным, чуткостью Васюка понимает, что подражать надо девочку, и тогда из нее человек получится, может, даже героиня. Преодолев страх, она и умирает, как героиня.

Валентина Абракова:

— Моя Кирьянова, и сожалеваю, написала более скупо. Она не пощадит на фронте, прошла финскую. Бывает крута и груба, но помогает сблизиться с девочками ее жизненный опыт, ее уверенность в правоте дела, которому служит. Мне понятия шиманья боль, поэтому испытывает Кирьянова, когда уходит девочка и лев, а ей приваивать остается на объекте. Будь она в трудную минуту с ними, отдавала бы жизнь за Родину, ни на ноту не сомневалась в необходимости этого...

Людмила Вымова:

— Лица очень похожа на тех героинь, которых я уже играла. Ну, скажем, на Пашу в «Клебе». И в этом сложность задачи: создать ее не такой, как Паша.

Лица сама рассказывает о себе в пьесе. Как жила на пограничном кордоне, как мечтала о любви, как хотела учиться. Но началась война. Ей, единственной из девушек, нравятся Васюк, она готова для него на все. И вот наступает момент, когда он подает надежду на любовь. Момент, в который следует ее тайная переправа через болото и смерть. Несправедливая смерть.

Ольга Богданова:

— Тяжело работать над ролью, когда дается она на сопереживание материала, но в то же время и радостно. Ведь приходится создавать не то, что в

тебе есть, а искать что-то новое. Союз Гурвич — поэтическая натура, беззащитная, интеллигентная девушка. У нее тоже есть свой свет с немцами. В оккупированном Минске остались родные. Вот почему Союз на фронте. Погибает она неслепло, впрямую, всякая смерть келлесть, но смерть ее — во имя добра на земле.

Юлия Бергер:

— Раньше мне приходилось играть «голубых» героинь. Веронку в «Последних», Асю во «Вдвоец». И думала я, что это и есть мои героини, когда вдруг открыла в себе Женьку. И не просто открыла, но полюбила, что Женька мне близка. И теперь мне даже кажется, что случится играть в этом спектакле другую роль, я не смогла бы отказаться. Женька веселая, легкая девочка, на коно сказала, крутила романички, но по-настоящему ни в кого не влюблялась, боготворила своего отца, красного командира. И эта Женька видит, как ее родители убивают фашисты, как надеваются над ними. Она говорит с ними счет, смело, ясно, вняла, но имя чего умирает, и все-таки до конца не верит, что в двадцатидесять можно умереть.

Валентина Кириллова:

— Что раскрывается в моей героине, в моей Рите Осипович, кто греет? Внешняя нервозность, глубина натуры, которая раскрывается в ее смерти. Смертельно раненная, она не думает о себе. Мысли ее о матери, сыне, Васюке. Чем груднее ей, тем больше стойкости, тем сильнее она.

Светлана Невоструева:

— Виде когда шла репетиция, я забывала тем, кто лежит в таком спектакле. И когда неожидан-

но актриса заболела и меня срочно «вводили» в спектакль, это было бесконечно интересно.

Моя премьера состоялась таким образом появилась. Я все еще вспоминаю во Главо Четвертак, все еще не отошла от пережитых потрясений. Четвертак ничего героического не совершает, но подает ее уже в том, что она побеждает свою слабость.

...И были девочки, и был Васюк, которым через десятилетия новое поколение и любви объяснилось... И горло оплало.

Чем дольше мы отмечаем годы, удавление нас от войны, тем больше светает война в фильмах, спектаклях, стихах... Истает, чтобы убрать живущих от страшной трагедии, чтобы рассказывать, как матери умирали, не увидев своих детей, как отцы были мужественны и легендарно бесстрашны. Вот о чем рассказали нам «Зори», спектакль молодых и для молодых.

В повести В. Васильева есть повесть, обращенный к тем, кто родился в сорок пятом и пятидесятом. К тем, кто, не зная войны, не хочет задуматься в ее трагедию.

На случайно на круглом столе «СМ» шел разговор о молодежных вечерах. После таких, к примеру, спектаклей, как «Зори» и «Итальянская трагедия», нельзя танцевать. Это противоречит человеческому естеству. Театр — место, где на наших глазах рождаются образы, рождается искусство, в каждый свой вечер новое, неповторимое. И жить в нем надо этики (часами искусства) и гордости о искусству, и сподобоваться его рождению.

В зал театра можно собирать участников дохода

«Дорогами отцов-героев» и смотреть «Зори», и дискотировать о них, и сопоставлять жизненное и сценическое.

В театр можно пригласить молодую интеллигенцию города и смотреть «Человека со стороны».

В клубе ВТО можно организовать творческие встречи с актерами и вести самый важный разговор и для актеров, и для зрителей.

И меньше всего приглашать тех, кто идет лишь на танцы, проскипывает в буфетках после третьего звонка.

Театр каждый вечер ждет зрителя. Ждет волну, оживная образы и событиями навсегда. На долгие годы. Там входит...

**Запись выступлений
вела Т. ШАХОВА.**

НА СНИМКАХ: слева — Валентина Кириллова, Юлия Бергер, Светлана Невоструева, Валентина Абракова, Ольга Богданова, Людмила Вымова; справа — заслуженный артист РСФСР Василий Каленчук.

Фото Р. СЫСОВЕВА.